

Это было в Одессе

Юрию Олеше

В Одессе осень.
Падают листья и
скрипят как корабли.
Так образ
польского сознания,
проникнув в языки,
стал строчкой
Ни дня без строчки.
Так чувственно
воссоздавалась жизнь, а
прошлое вставало Прустом,
и пахло канифолью,
и груды солнца густо
пылили желтым на чердаке
заброшенной истории, и
в пустоте бурьян над морем,
спуск с Ланжерона,
обрывы, цирк, каштаны,
акации, бульвары,
на Пушкинской — платаны
и птичий гам,
латынь и Древний Рим,
ксендз, кирха, парашют,
костел, собор и мир,
сорвавшись с якоря,
из настоящего летит
стремительно — куда? Оттуда —
фиалки в феврале,
бессмертие и смерть
на палубе или арене цирка,
зеленый луч в степи.
Дорога, рассекающая степь
лучом, благоухает жгуче.

Эвелина ШАЦ

А дело было лунной ночью:
у одесситов не бывает без луны.
Она — маяк в степи. И по дорожке лунной
пловец уходит к звездам, от моря отрываясь,
как аэродрома. И дом приобретает
во вселенной округлых очертаний колесо.
Как О Одессы, О, свет! В светелке занебесья
сущность Зазеркалья и... книги,
совсем не светские писменья.

А в лунном свете поднебесья —
подлунная любовь транжирит песни
и святость единственности предает.
И вновь высокая луна колдует,
И блеск беззвучно взрывает тишину.
В ней Гоголь спит с открытыми глазами.
Олешу время наставляет писать короче,
оставив ненаписанному место: тому
особый способ данности присущ.
У, Юрка, молодец, — вьются слова собрата.
Поэты как атлеты: сонеты сочиняют,
сжигая чудо интеллекта. На камень,
как вода, стекают рассыпанные мелом
буквы, будто листья — *скрипят как корабли,*
ведь снова осень. В нее ушел Багрицкий.
Все дальше, дальше. Наверное Олеша
дальше писал, а думал *выше*
небом. *Время тлеть!*
Кутья иль колево, и *miserere.*
И длинный александрийский стих.*

Милан

*Так странно звучал Бодлер у Дерибаса